

В. Д. КУЗЬМИНА

Изучение преемственных связей древнерусской литературы с русской литературой и устным народным творчеством нового времени

Вопрос о непрерывной преемственности в развитии русской литературы, об отсутствии разрыва между XVII столетием и последующим временем был поставлен еще в прошлом веке.

В. Г. Белинский говорил, что поэзия Ломоносова «выросла из варварских схоластических риторик училищ XVII века» (статья «Русская литература в 1841 году»).¹ Мнение В. Г. Белинского позднее повторил А. И. Соболевский,² О. Покотилова показала зарождение многих элементов стиля Ломоносова-поэта в торжественной школьной лирике XVII в.³

В применении к повести и драматургии вопрос о преемственности развития был поставлен А. Н. Пыпиным,⁴ Н. С. Тихонравовым,⁵ Д. А. Ровинским.⁶

Несмотря на вековую давность, эта проблема далека от своего разрешения прежде всего в силу неизученности наших рукописных и книжных богатств.

Всемерное развитие нашей археографии, составление и систематическая публикация описаний рукописей как наших центральных хранилищ, так и периферийных — неперемное и первое условие разработки любой проблемы, связанной с письменным периодом развития нашей литературы.⁷ Между тем из наших хранилищ лишь Государственная библиотека имени В. И. Ленина систематически печатает описания рукописей.

Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук, Государственный Исторический музей, Государственный Литературный музей не делают этого, не говоря о рукописных собраниях

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. М., 1954, стр. 524.

² А. И. Соболевский. Когда начался у нас ложноклассицизм? — Библиограф, 1890, № 1, стр. 1—6.

³ О. Покотилова. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетий. — Ломоносов. Сборник статей под редакцией В. В. Сиповского. СПб., 1911, стр. 66—92.

⁴ А. Н. Пыпин. До-петровское предание в XVIII веке. — Вестник Европы, 1886, июнь, стр. 680—717; июль, 306—345.

⁵ Вступительная лекция адъюнкт-профессора русской словесности и истории русской литературы Н. С. Тихонравова, читанная в имп. Московском университете 25 сентября 1859 года. — Н. С. Тихонравов. Сочинения, том второй. М., 1898, стр. 1—11.

⁶ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, тт. I—IV. СПб., 1881.

⁷ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 102—108.

областных и районных центров, где часто отсутствуют какие бы то ни было описания рукописных коллекций, хранящихся в местных музеях и архивах.

Для успешного изучения преемственных связей древнерусской литературы с устным народным творчеством и рукописной демократической литературой XVIII в. следует издать давно готовые научные описания тех собраний, которые включают большое количество рукописей XVIII в. Таковы, например, в Москве собрания Барсова, Вострякова, Забелина, не попавшие в печатные описания части собраний Хлудова и Щукина в ГИМ.

Печатные библиографии древнерусской повести⁸ содержат указания на многочисленные списки XVIII в. большинства произведений нашей средневековой повести.

На очереди стоит планомерная разработка этого материала: создание сначала частных монографий по изучению истории текста отдельных произведений и на их основе написание обобщающей работы о древнерусских повестях в рукописных редакциях XVIII и в отдельных случаях XIX в.⁹

Отдельно следует рассмотреть вопрос о значении древнерусской повествовательной традиции в развитии прозы XVIII столетия.

Среди разнообразных проблем должно быть выделено изучение повестей первой половины XVIII в., которыми издавна занималась Г. Н. Моисеева. Выход в свет ее монографии на эту тему интересует в равной мере историков древней русской литературы и литературы XVIII в.

Много новых перспектив для изучения преемственной связи развития русской литературы XI—XVII вв. с новым временем открывает посмертная монография М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII века» (М., 1963). Как показывает заглавие, М. Н. Сперанский сосредоточил внимание на анализе содержания сборников XVIII в. как такого вида литературы, который был унаследован XVIII столетием от предшествующей поры (стр. 25—26). М. Н. Сперанский справедливо считал свою книгу началом выявления и исследования всего рукописного наследия XVIII в., но изученные им свыше 500 сборников показали, какие многообразные проблемы возникают у исследователя при их изучении.

Медиевист и этнограф М. Н. Сперанский заметил следующие задачи перед будущими исследователями в изучении роли средневековой литературной традиции в новое время:

- 1) старинные повести в сборниках XVIII в. («старая традиция» — Указатель I);
- 2) старинные рукописные повести и лубочные издания XVIII в. (Указатель IV);
- 3) преемственность в развитии повествовательных жанров, пародии, юмористики и сатиры в XVII и XVIII столетиях (стр. 69—72);
- 4) традиции виршевой лирики XVII в. в рукописной поэзии XVIII столетия (стр. 43—47);
- 5) традиции школьной драмы и интермедий XVII в. в рукописной драматургии XVIII столетия (стр. 37);

⁸ Древнерусская повесть, вып. 1. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940, Библиография древнерусской повести. Составил А. А. Назаревский. М.—Л., 1955.

⁹ Какой интересный материал может дать изучение поздних редакций древнерусских произведений, показывает, например, работа В. И. Малышева «Усть-цильмская обработка „Повести о царевне Персике“» (Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 326—337).

б) место и значение произведений устного народного творчества в рукописных сборниках XVII и XVIII столетий.

Каждая из этих проблем в свою очередь может иметь несколько аспектов.

Вопрос о литературной истории старинных повестей в XVIII в. может быть изучен по-разному и для разных целей. Начав с обзора совокупности списков XVIII и XIX вв. (учитывая как тексты, включенные в сборники, так и отдельные списки), можно перейти к изучению новых рукописных редакций старинных произведений в XVIII в. (Повести о Петре и Февронии, об Акире, о Бове и т. д.).

В. П. Адрианова-Перетц справедливо поставила вопрос об идейной преемственности в развитии русской литературы XVIII в. и показала идейные истоки русской гражданской лирики XVIII в. в лирических эпизодах во многих произведениях русских писателей XI—XVII столетий.¹⁰

Сочетание глубокой идейности с «прелестью простоты и вымысла» (Пушкин) привлекало и привлекает к древнерусской литературе внимание многих писателей. Разнообразные исследования могут быть посвящены обработке старинных повестей писателями нового времени. Можно назвать для примера несколько тем: Летописные источники дум Рылеева; Агиографические легенды под пером Радищева, Герцена, Лескова; Древнерусские литературные источники драмы А. А. Шаховского «Смоляне»; Древнерусские литературные источники романов советских писателей (В. Г. Ян — «Батый»; А. П. Ладинский — «Когда пал Херсонес» и «Анна Ярославна, королева Франции»); «Повесть о Фроле Скобееве» и либретто одноименной оперы Т. Хренникова; «Слово о полку Игореве» в творчестве советских поэтов и многие другие.

Думается, такие исследования покажут на конкретном материале, как много непреходящих ценностей было создано древнерусскими писателями. Насколько необходима разработка вопросов об идейном и эстетическом наследии древнерусской литературы, свидетельствуют отдельные ошибочные попытки свести ценность ее к «протокоальности», «документальности» и т. п. Как правильно отметил Д. С. Лихачев, в основе этого лежит в конечном счете отрицание художественной ценности древнерусской литературы.¹¹

Для изучения непосредственных преемственных связей древнерусской литературы с литературой XVIII в. огромный интерес представляет наследие М. В. Ломоносова. Следует приветствовать разработку этой темы, начатую Г. Н. Моисеевой.¹²

Особую группу должны составить исследования, посвященные изучению литературной истории древнерусских повестей в лубочной книжке и картинке XVIII—начала XX в.

Лишь в применении к немногим отдельным произведениям выяснен вопрос об отношении лубочных изданий к старинным рукописным текстам.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. О связи между древним и новым периодами в истории славянских литератур. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 427—447.

¹¹ См.: Д. С. Лихачев. 1) Об эстетическом изучении памятников культуры прошлого. — Вопросы литературы, 1963, № 3, стр. 100—111; 2) Анастезизм и древнерусская литература. — Русская литература, 1963, № 1, стр. 79—87.

¹² Г. Н. Моисеева. Ломоносов в работе над древними рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний). — Русская литература, 1962, № 1 стр. 181—194.

Между тем многие оригинальные повести (летописные сказания Повести временных лет, Сказания о Куликовской битве, Повести об основании Москвы, Повести о разорении Царьграда и др.) Древней Руси, старинные переводные романы (Бова, Еруслан, Царица и львица) и новеллы (повести о «женских увертках») печатались в течение полутора столетий и разошлись во многих сотнях тысяч экземпляров лубочных книжек и листов по всей стране среди городских простолюдинов и крестьян.

Изучение лубочной литературы второй половины XIX в. и начала XX в. затрудняется не только отсутствием сводной работы типа «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского, но и неразработанностью лубочных книжных фондов в наших крупнейших библиотеках.

Не дожидаясь создания такого сводного труда, необходимо начать предварительное монографическое изучение судеб отдельных древнерусских повестей в поздней лубочной книжке и картинке, подобно тому как фольклористы начали изучение лубочных обработок былинных сюжетов¹³ и переложений былин в виде сказок в дешевых изданиях для народа.¹⁴

Изучение лубочных вариантов древнерусских повестей (а в отдельных случаях и устных вариантов, сложившихся на основе рукописей и лубка) раскроет перед исследователями заключительные стадии многовековой литературной истории старинных повестей, начавшейся много веков назад и продолжающейся в наше время.

С этой точки зрения существенный интерес представляет, например, сказка горьковского сказочника И. Ф. Ковалева «Про львицу»,¹⁵ являющаяся устной обработкой одного из печатных лубочных вариантов старинного романа о цесаре Антонию (Октавиане), краткая редакция которого была известна у нас под названием «Повести о царице и львице». К разнообразным лубочным источникам восходят также многие современные сказки о Бове, Еруслане, Шемякином суде, Мамаевом побоище и др.

Перед музеями и библиотеками нашей страны, где хранятся крупнейшие коллекции лубочных книжек и листов (БАН, ГБЛ, ГМИИ, ГЛМ, ГПБ), стоит неотложная задача — составить общими усилиями сводный каталог этих материалов.

Ведь до сих пор даже в крупнейших библиотеках книжные лубочные издания не выделены в каталогах общего книжного фонда. Отыскание нужного материала требует огромной затраты времени, так как лубочные издатели то варьировали на десятки ладов заглавия своих книг, то составляли разнообразные сборники сказок и повестей.

Следует отметить, что благодаря инициативе и многолетним трудам С. А. Клепикова подготовлены разнообразные тематические обзоры лубочных изданий крупнейших собраний Москвы и Ленинграда.¹⁶ К сожалению, ни одно из этих исследований до сих пор не увидело света.

¹³ А. М. Астахова. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.—Л., 1962, стр. 41—45 и 59—64.

¹⁴ Там же, стр. 45—58 и 65.

¹⁵ Летописи Государственного Литературного музея, кн. 11. Сказки И. Ф. Ковалева. Записал и комментировал Э. Гофман и С. Минц. Редакция Ю. М. Соколова. М., 1941, № 23, стр. 139—141 и 329.

¹⁶ Вот перечень этих работ: С. А. Клепиков. 1) Сводный каталог лубочных гравированных изданий конца XVII — первой половины XIX в. (собр. БАН, ГБЛ, ГИМ, ГЛМ, ГПБ), 25 печ. листов; 2) Лубок, ч. III. Сказки, легенды, апокрифы; быт, сатира, юмор (собр. ГЛМ, конец XVII—начало XX в.), 10 печ. листов; С. А. Клепиков, Е. В. Гиппиус, Б. Б. Грановский. Русская песня в народном лубке (собр. ГБЛ, ГИМ, Государственного музея истории искусств, Государственной Третьяковской галереи, ГПБ, Русского музея, конец XVIII—начало XX в.), 70 печ. листов; С. А. Клепиков. Русские гравированные книги XVII—XVIII вв. — Сб. «Очерки книговедения». Изд. «Советская Россия» (в печати).

Следует отметить, что за последние годы за рубежом возрос интерес к русской лубочной книжке и картинке. Появление прекрасно изданной монографии П. Л. Дюшартра, охватывающей 1629—1885 гг. и в ряде случаев дополняющей Д. А. Ровинского материалами зарубежных частных коллекций, представляет существенный интерес.¹⁷

От издания отдельных альбомов¹⁸ и библиографии изучения лубка после труда Д. А. Ровинского¹⁹ необходимо как можно скорее перейти к исследованию лубочной книжки и картинки. Это откроет новые перспективы для изучения многих вопросов. К их числу наряду с проблемой преемственных связей древнерусской литературы с новым временем относятся такие проблемы, как вопрос о лубочных книжках как основе современных устных сказок или вопрос о знакомстве массового читателя второй половины XIX в. с творчеством писателей. Карамзин, Крылов, Загоскин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь становились известными русскому крестьянину и рабочему (помимо школьных хрестоматий) чаще всего именно в дешевых лубочных книжках и листах.

Научная разработка истории лубочной литературы и картинок XIX—начала XX в. — одна из важных задач советских библиографов, литературоведов, этнографов.

Особого внимания заслуживает вопрос о преемственных связях русской литературы XVII и XVIII столетий в области пародии, юмористики и сатиры.

Существующие библиографии, как и монографические исследования В. П. Адриановой-Перетц²⁰ и М. Н. Сперанского,²¹ показали, что весь объем пародии, юмористики и сатиры XVII в. был унаследован XVIII столетием. Эта старая традиция во многом определила формирование новых юмористических и сатирических произведений в рукописной литературе и стала одним из существенных истоков в развитии передовой журнальной сатиры под пером Н. И. Новикова.²²

В своем ненапечатанном исследовании «Стихотворные жарты XVIII века» В. П. Адрианова-Перетц установила непосредственную преемственность некоторых стихотворных юмористических произведений от сборников переводных новелл XVII в. (фацеции, Семь мудрецов). Следует пожелать, чтобы эта работа, посвященная малоизученной рукописной юмористической литературе XVIII в., поскорее полностью была издана.

Дело не только в том, что жарты и фацеции в XVIII в. воспринимались читателями как весьма близкие произведения и нередко включались в одни и те же сборники. Новеллы и жарты о проделках шута, о «женских увертках» давали нередко материал для комических бытовых сцен и

¹⁷ Pierre Louis Duchartre. *L'imagerie populaire russe et les livres gravés. 1629—1885.* Gründ, Paris, 1961. Книга П. Л. Дюшартра особенно интересна потому, что автор является знатоком французских народных картинок. См. его работы: P. L. Duchartre et R. Saulnier. *L'imagerie populaire. Les images de toutes les provinces françaises du XV-e siècle au second empire. Les complaintes, contes, chansons, légendes qui ont inspiré les imagiers.* Librairie de France, Paris, 1925; P. L. Duchartre et R. Saulnier. *L'imagerie parisienne.* Paris, 1944.

¹⁸ Е. П. Иванов. *Русский народный лубок.* М., 1937; *Русский народный лубок (каталог выставки).* М., 1958; Д. Молдавский и В. Бахтин. *Русский лубок XVII—XIX вв.* Л., 1961.

¹⁹ П. Н. Берков. *Материалы для библиографии литературы о русских народных лубочных картинках.* — Сб. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II. М.—Л., 1957, стр. 353—362.

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц. *Русская демократическая сатира XVII века.* М.—Л., 1954.

²¹ М. Н. Сперанский. *Рукописные сборники XVIII века,* стр. 69—72.

²² Л. В. Крестова. *Традиции русской демократической сатиры в журнальной прозе Н. И. Новикова.* — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 486—492.

диалогов в рукописной демократической драматургии XVIII в.,²³ служили основой для создания новых бытовых анекдотов типа старинных фаций.²⁴

М. Н. Сперанский показал, что настало время тщательно проверить датировки повестей, причем, по его (на наш взгляд вполне справедливому) мнению, некоторые повести, лишь в силу инерции обычно датируемые XVII в., следует считать произведениями первой трети XVIII в. (Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о крестьянском сыне).²⁵

В области повествовательной литературы особого внимания заслуживает автобиографический жанр, представленный в XVII в. знаменитым Житием Аввакума, а в XVIII столетии — целой вереницей автобиографических записок от И. И. Неплюева, Н. Б. Долгорукой до А. Т. Болотова, Г. Р. Державина и А. Н. Радищева. Весь этот огромный материал, за исключением Жития Аввакума и отчасти «Записок» А. Т. Болотова, почти не изучен с историко-литературной точки зрения.

Между тем книга чешской исследовательницы Светлы Матхаузеровой о романе М. Д. Чулкова «Пригожая повариха» свидетельствует, что при изучении прозы XVIII в. обращение к предшествующей традиции может оказаться весьма плодотворным. Ей удалось показать, что традиции автобиографического повествования, разработанная в рукописной литературе XVII—XVIII вв. (от «Азбуки о Голом и небогатом человеке» и «Азбуковника о прекрасной девице» через стихотворную автобиографию подьячего и так называемый «Роман в стихах»), во многом определила своеобразие прозы М. Д. Чулкова в данном произведении.²⁶

Наконец, недавно вышедшая книга В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева «Демократическая поэзия XVII века» (Л., 1962) дает возможность поставить вопрос о продолжении традиции раёшного стиха в рукописной юмористике и сатире XVIII в. (Сатира на Феодосия Яновского, Автобиография подьячего, Сказание о деревне Камкине, Сказание о деревне Киселихе и многие другие) и изучить его развитие в рукописной литературе XVIII в.

Вопрос о традициях виршевой лирики XVII в. в XVIII столетии также должен быть рассмотрен с разных точек зрения.

Виршевая «Рифмотворная псалтырь» С. Полоцкого достаточно широко читалась в XVIII в., как показал М. Н. Сперанский на примере сборника ГАКО Твер., 162, где это произведение С. Полоцкого помещено вместе с панегирическими и любовными кантами XVIII в. (стр. 46). Несомненно, не для одного М. В. Ломоносова, а для многих русских людей в XVIII в. переложение псалмов С. Полоцкого было одной из первых прочитанных книг.

Наблюдения М. Н. Сперанского, в частности, показывают, что русский демократический писатель знал не только ломоносовские переложения псалмов (сборники ГБЛ, Большаков, № 98; ГИМ, Вахрамеев, № 562; ГИМ, № 938; ГИМ, Уваров, 1^о, № 553), но также многие переложения В. К. Тредиаковского (переложения псалмов 1, 6, 8, 42, 51, 78, 111, 136, 139 см.: сборник ГБЛ, Тихонравов, № 502). Последнее тем более примечательно, если вспомнить, что это произведение В. К. Тредиаковского

²³ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958, стр. 20, 90, 108.

²⁴ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века, стр. 142 и 163.

²⁵ Там же, стр. 142 и 113.

²⁶ Světa Mathauserová. Ruský zdroj monologické romanové formy (M. D. Čul'kov). — Rozpravy Československé Akademie Věd. Rada společenských věd., roč. 71, seš. 1. Praha, 1961.

не было напечатано.²⁷ Особый интерес при изучении взаимодействия старых и новых традиций в поэтических переложениях Псалтыри в XVIII в. представляют сборники, подобные отмеченному М. Н. Сперанским сборнику ГИМ, Уваров, 1^о, № 553: в нем стоят рядом переложения, сделанные различными поэтами (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков).

Недавно напечатанная статья И. Э. Сермана «„Псалтырь рифмотворная“ Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в.»²⁸ показывает плодотворность сравнительного изучения этой области русской лирики XVII—XVIII столетий.

Второй темой в изучении преемственной связи в развитии русской лирики XVII и XVIII столетий является вопрос о значении виршевых панегириков и песен для формирования жанра русской торжественной оды в XVIII в.

И. П. Еремин исследовал панегирические произведения С. Полоцкого;²⁹ А. В. Позднеев опубликовал торжественные канты петровской поры;³⁰ ждут исследования и публикаций сборники торжественных кантов 1730—1740-х годов. Лишь внимательное изучение совокупности всего этого материала сможет показать, как много подготовили в быстром и пышном развитии русской оды с конца 1740-х годов поэты-силлабики первой трети столетия, внимательно изучавшие виршевую лирику своих предшественников.

Обстоятельная статья О. Покотиловой,³¹ характеристика панегирических кантов и приветственных стихов первой четверти XVIII в., сделанная П. Н. Берковым,³² интересные конкретные наблюдения Л. В. Крестовой³³ показали, как в недрах виршевой лирики XVII и начала XVIII в. постепенно все яснее обозначались идейные тенденции и элементы стиля, нашедшие свое полное выражение в зрелом русском классицизме 1740—1750-х годов.

Систематическое изучение сборников, публикация наиболее важных и значительных произведений виршевой лирики первой трети XVIII в. дадут несомненно много нового материала для этой темы, которая должна привлечь внимание исследователей.

Особое внимание должно быть уделено вопросу о преемственности в развитии любовной лирики в русской литературе XVII и XVIII столетий.

В XVII в. мы знаем литературные письменные произведения этого жанра в духе устной народной песни (Квашнин-Самарин, Пазухин). В XVIII столетии наряду с продолжением этой традиции стала разви-

²⁷ Беловая рукопись 1753 г. была найдена в ЦГАДА И. Э. Серманом. О ней см.: И. Э. Серман. Незданная философская поэма Тредиаковского. — Русская литература, 1961, № 1, стр. 163—164.

²⁸ ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 214—232.

²⁹ И. П. Еремин. 1) Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 125—153; 2) Симеон Полоцкий, поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 223—260.

³⁰ А. В. Позднеев. Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII в. — Сб. «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961, стр. 338—360.

³¹ О. Покотилова. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетия, стр. 66—92.

³² П. Н. Берков. На путях к новой русской литературе. — История русской литературы в трех томах, т. 1. М., 1958, стр. 395—396.

³³ Л. В. Крестова. Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой половины XVIII в. — Сб. «Вопросы формирования русской нации и нации». М.—Л., 1958, стр. 254—296.

ваться виршевая любовная лирика, украшенная мифологическими именами (Венера, Купидон, Волкан, Персефона и т. п.). Взаимодействие двух этих течений начинается в любовных кантах первой трети столетия, продолжается в рукописных и печатных песенниках XVIII столетия, куда включаются многочисленные песни и элегии А. П. Сумарокова.

Работы В. Н. Перетца,³⁴ Т. Н. Ливановой,³⁵ А. В. Позднеева,³⁶ Р. М. Сельванюк³⁷ положили начало изучению взаимодействия устной песни и виршевой любовной лирики XVII—XVIII вв. с песенными лирическими произведениями писателей XVIII столетия. Изучение совместными усилиями всего богатства любовной лирики, заключенной в рукописных песенных и стихотворных сборниках XVII и XVIII столетий, даст много нового материала для изучения разновидностей жанров лирической поэзии, их эволюции, смены одних жанров другими и постоянного обращения писателей к народной песне.

Немало различных вопросов встает при изучении преемственных связей в русской драматургии XVII и XVIII столетия.

Выявление полного объема русской рукописной драматургии XVII и XVIII столетий — первая неотложная задача, которая сможет быть решена только совместными усилиями славистов различных стран. Объединение сил в этом деле необходимо. Ведь до сих пор возможны еще такие находки, как вологодский, лионский и веймарский списки «Артаксерксова действия» или сборник из собрания И. Г. Спарвенфельда (Ad 10) из рукописной коллекции гимназии г. Вестероса в Швеции, в который были включены (стр. 1315—1460) разнообразные русские драматические произведения XVII в.³⁸ Желательно издать все тексты русских школьных драм по рукописным спискам русских пьес Загребского университета (R 3068 и др.).³⁹ Следует, например, отметить, что школьная драма «Страшное изображение»... имеющаяся в Загребе, до сих пор известна русским историкам театра по краткой ее программе, изданной Н. С. Тихонравовым,⁴⁰ хотя полный текст ее был издан Й. М. Бадаличем еще в 1925 г.⁴¹

³⁴ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 1—2. Из истории русской песни. СПб., 1900.

³⁵ Т. Н. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом, т. I. М., 1952.

³⁶ А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII вв. — Ученые записки Московского заочного педагогического института, т. I. М., 1958, стр. 5—112. Ср.: А. В. Позднеев. La poésie des chansons russes aux XVIIe et XVIIIe siècles. — Revue des études slaves, t. XXXVI. Paris, 1959, стр. 29—40; А. В. Позднеев. Произведения М. В. Ломоносова в рукописных песенниках XVIII в. — Труды Московского заочного педагогического института, вып. 7 (Ломоносовский сборник). М., 1961, стр. 131—138.

³⁷ Р. М. Сельванюк. К вопросу о рукописных источниках «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова. — Ученые записки Костромского педагогического института, вып. 7, 1960, стр. 316—347.

³⁸ Л. В. Черепнин. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 475.

³⁹ Тексты описаны 40 лет назад Й. М. Бадаличем (J. Badalić. Spomenici ruske drame XVIII viejka u zagrebačkoj sveučilisnoj biblioteci. Ljetopis jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti za godinu 1922. Zagreb, 1923, zv. 37, стр. 87). Из них у нас известны семь интермедий (Slavia, гоđ. IV, сеđ. 3, 1925, стр. 523—537) и варианты «Акта о Петре златых ключей» (ИОРЯС, т. XXI, 1926, стр. 238—266) по сравнению со списком ГБЛ, Муз., 3348, ранее и не вполне исправно напечатанным Г. П. Георгиевским (ИОРЯС, т. X, кн. 1, 1905, стр. 215—255).

⁴⁰ Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. II. СПб., 1874, стр. 7—11.

⁴¹ J. Badalić. Iz ruske dramatičke epohe Petra velikoga. — Споменник српске краљевске Акад. наука, Београд, 1925, к. 62.

Прекрасно сохранившийся список комедии «Гаерская свадьба» (ЛОИИ, собр. рук. книг, № 130),⁴² сборник рукописных пьес, иные из которых переписаны в виде отдельных ролей (ГПБ, собр. Титова, № 1627), многочисленные малоисследованные тексты школьных драм XVIII в., имеющиеся во многих хранилищах нашей страны, указывают, как необходимо выявить все дошедшие до нас рукописные тексты пьес XVII—XVIII вв. в архивах и библиотеках. М. Н. Сперанский справедливо указывал на возможность новых ценных находок в области рукописной драматургии даже в столичных собраниях нашей страны.

На жизнеспособность старинной традиции в русской драматургии и театре указывает прежде всего сохранение пьес XVII в. в списках XVIII столетия (М. Н. Сперанский указал, например, три списка «Комидии притчи о блудном сыне» С. Полоцкого — ГИМ, № 1084; ГИМ, № 1127; ЛОИИ, Археографическая комиссия, № 162). Кроме того, вплоть до середины XVIII в., как отмечали еще Н. И. Петров и Н. С. Тихонравов, создаются новые произведения на основе традиций «школьной драмы» XVII столетия. В частности, следует уделить особое внимание вопросу о том, как оживали на сцене старинные повести в XVIII в. Наряду с Библией и житиями материал для сценических обработок авторы XVIII в. постоянно черпали из переводных любовно-авантюрных романов XVII столетия (Петр Златые ключи, Мелюзина, Царица и Львица), а в поисках сюжетов для интермедий, комических диалогов и бытовых сцен обращались к фациям и жартам (сравни, например, сцену: Муж, Жена, Любовник, Гаер. — ГПБ, Титов, № 1627, лл. 34—35).

Инсценировки разнообразных повествовательных произведений были частым явлением в XVII и первой половине XVIII в. Необходимо поставить вопрос, чем отличаются принципы сценических обработок аналогичных сюжетов в XVII и XVIII вв. («Артаксерксово действо» XVII в., «Комедии» и «Акты» об Есфире в XVIII в., различные пьесы о царе Кире).

Наконец, весьма важно уяснить на конкретных примерах соотношение ранних стадий развития русской драматургии и театра с аналогичными явлениями в других странах: с голландско-немецким театром XVII и XVIII вв., с итальянской комедией дель арте, с рукописной драматургией западных славян. Ведь немецкий пастор Иоганн Грегори опирался на голландско-немецкую традицию, создавая немецкий текст «Артаксерксова действа» в 1670-е годы в Москве, а в 1740-е годы немецкая труппа Гильфердинга—Сколари с успехом показывала русским зрителям инсценировку немецкой повести о Скандербеге и романа австрийского писателя Г. А. Циглера «Азиатская Баниза». Итальянская комедия масок была известна в России по итальянским гастролям 1730-х годов и в виде арлекинад разнообразных немецких трупп (1720-е годы — Эккенберга; 1740—1750-е годы — Зигмунда, Гильфердинга, Сколари). Еще тесней были связи русского театра с западнославянскими театрами через посредство Украины и Белоруссии. С этой точки зрения нужно иметь в виду не только таких деятелей, как С. Полоцкий, Ф. Прокопович, но и большое количество украинцев среди учителей в провинциальных русских семинариях.

Сравнительно-исторический анализ поможет ярче выявить национальную специфику и точнее уяснить общие закономерности в становлении русской драматургии на заре ее развития при сопоставлении этого процесса с аналогичными явлениями в других славянских литературах.

⁴² Сборник ЛОИИ, собр. рук. книг, № 130, описан в статье: Г. Н. Моисеева История о французском шляхтиче Александре. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1962, стр. 291.

Существенный интерес могут представить историко-типологические исследования аналогичных явлений, возникавших (не всегда синхронно) в средневековых славянских литературах на рубеже нового времени. С этой точки зрения уяснение общих закономерностей историко-литературного процесса может быть получено при историко-типологическом изучении развития историографии, например при сопоставлении «Истории славено-болгарской» Паисия Хилендарского с традицией восточнославянских «Синописисов» или при сопоставлении местных поздних иешских летописей XVII в. («Древние кутногорские предания» Яна Коржинка 1675 г., «Клатовская история» И. Ф. Гаммершмидта 1699 г.) с поздними русскими местными летописями (новгородские, сибирские и др.).

Немалый интерес может представить сравнительно-типологическое исследование различных произведений, возникших в славянских литературах как отражение борьбы с турками в XVII в. (цикл русских повестей и песен об Азове, «Осман» Гундулича, «Хотинская война» Потоцкого и многие другие). Разная социальная среда, различные стадии развития отдельных славянских литератур этой поры при этом выступят особенно ярко. Такое изучение наглядно выявит своеобразие каждой из славянских литератур и покажет неправомерность объединения произведений, разнородных по социально-политической идеологии, литературным школам и стилю в рамках «барочного героизма», как это пытается, например, сделать А. Андьял.

В последние десятилетия заметно оживился интерес к вопросу о первых литературных направлениях в славянских литературах на стыке средневековья и нового времени. Изучая эту проблему на материале русской и чешской литератур, Д. С. Лихачев и И. Грабак пришли к выводу, что в течение средних веков в развитии литератур не было предпосылок для возникновения литературных направлений.⁴³ Оба исследователя отмечали, что лишь развитие городов, классовое расслоение литературы, появление первых элементов эстетической мысли и литературной критики создали возможность появления первых литературных направлений. Д. С. Лихачев подчеркивал неразработанность проблемы и необходимость ее изучения: «Проблема появления первых литературных направлений очень сложна. Она требует исследований и исследований. По-видимому, дело обстоит так, что в процессе образования первых литературных направлений сыграли свою роль и внутренние законы развития литературы и общие исторические законы развития общества».⁴⁴

По вопросу, как следует называть первое литературное направление, возникшее в русской литературе, и каковы его хронологические пределы, наметились четыре основных точки зрения:

- 1) в России было «барокко» в 1660—1790-х годах;
- 2) развитие «барокко» в России было недолгим (1660—1720-е годы);
- 3) в России в 1660—1720-х (1730-х) годах был «предклассицизм» (школьный классицизм, схоластический классицизм);
- 4) в России в 1660—1790-х годах было «Просвещение». Остановимся коротко на каждом из этих воззрений.

С мнением о барокко, как характерном и самом длительном направлении в русской культуре и литературе XVII—XVIII вв., выступил

⁴³ Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Русская литература, 1958, № 2, стр. 12; Josef Hrabák. Problém sřídění literárních směrů v starých slovanských literaturách. — Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě, Praha, 1958, стр. 229—240.

⁴⁴ Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении... стр. 13.

в 1952 г. Д. Чижевский.⁴⁵ Он вернулся к этому вопросу в своих книгах «Из двух миров» (1956),⁴⁶ «Святая Русь» (1959)⁴⁷ и особенно подробно в «Истории русской литературы с XI века до конца барокко» (1960), где глава «Барокко» занимает стр. 320—438.⁴⁸

Развитию стиля барокко в культуре славянства, в том числе и в русской литературе XVII—XVIII столетий, посвящена обширная книга венгерского исследователя А. Андьяла «Славянский мир барокко» (1961).⁴⁹

Единственным советским литературоведом, считающим барокко основным направлением в развитии русской литературы XVII—XVIII вв., является А. А. Морозов, к нему присоединился проф. М. А. Гуковский.⁵⁰

Наиболее конкретно вопрос о круге произведений русской литературы, относимых к направлению барокко, освещен в книге А. Андьяла. Разница между точками зрения А. Андьяла и А. А. Морозова заключается лишь в том, что, по мнению Андьяла, барокко завершается в России творчеством Г. Р. Державина, в то время как А. А. Морозов ограничивает русское барокко творчеством М. В. Ломоносова.

Остановимся на классификации явлений барокко в русской литературе, предложенной А. Андьялом. Исследователь различает во всех славянских литературах (в том числе и в русской) «барочную готику», «барочный гуманизм», «дворянскую барочную культуру», «народно-барочный героизм», «упадок (Ausklang) барокко». Нетрудно видеть, что в предполагаемой схеме отсутствует единый принцип членения,⁵¹ а в русской литературе, не знавшей Ренессанса, А. Андьял не нашел писателей, которых можно было бы отнести к категории «барочных гуманистов».

К «барочной готике» в русской литературе XVII в. А. Андьял относит жизнеописание Юлиании Лазаревской, Повесть о Соломонии, автобиографии Аввакума и Елифания, творчество С. Полоцкого. Явлениями

⁴⁵ D. Čiževskij. Outline of comparative slavie literatures. Survey of slavie civilization, v. I. Boston (Massachusetts), 1952. Об ошибочности формалистической схемы смены литературных направлений, предложенной Д. Чижевским, см.: Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении... стр. 3—5.

⁴⁶ Статья «Несколько проблем из сравнительной истории славянских литератур» (Einige Probleme aus der vergleichenden Geschichte der slavischen Literaturen), которой открывается сборник «Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slawisch-westlichen literarischen Beziehungen (von Dmitrij Čiževskij. Hague—Leiden, 1956). Об этом сборнике статей Д. Чижевского см. рецензию: К. В. Шохин. Фальсификация истоки культуры славянских народов.— Вопросы философии, 1959, № 11, стр. 179—182; ср.: И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси XI—XIV вв. М., 1960, стр. 13—16.

⁴⁷ D. Tschizewskij. Das heilige Russland. Russische Geistesgeschichte, I. 10—17 Jahrhundert. Hamburg, 1959. О научной несостоятельности этой книги Д. Чижевского см. рецензию Ю. Александрова (История СССР, 1961, № 2, стр. 218—223).

⁴⁸ History of russian literature from the eleventh century to the end of the baroque. By Dmitrij Čiževskij. Hague, 1960. Данная книга написана автором с тех же чуждых и враждебных советской науке позиций, что и вышеназванные работы Д. Чижевского, поэтому в данной статье анализ ее не представляет интереса.

⁴⁹ А. Ангуал. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961.

⁵⁰ А. А. Морозов. 1) Выступление по докладу И. де Врис де Гунцбург в 1958 г.—IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики М., 1962, стр. 147—148; 2) Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII в. (состояние вопроса и задачи изучения).—Русская литература, 1962, № 3, стр. 3—38; 3) М. А. Гуковский. Еще к вопросу о русском барокко.—Русская литература, 1963, № 2, стр. 108—113.

⁵¹ Вероятно, по этой причине А. А. Морозов отказался от группировки, предложенной А. Андьялом, но привлек к характеристике барокко в русской литературе в основном тот же круг произведений (кроме Державина).

«дворянской барочной культуры» в России он считает Повести о Василии Кариотском и Александре российском дворянине, панегирические школьные драмы, канты, творчество Феофана Прокоповича. К произведениям «народно-барочной героики» А. Андьял относит «Азовское осадное сидение донских казаков», а писателями «периода упадка барокко» в России считает Тредиаковского, Ломоносова и Державина.

Вторая группа исследователей (И. Н. Голенищев-Кутузов, Д. С. Лихачев) склонна ограничивать хронологические рамки «барокко» в русской литературе (середина XVII в.—30-е годы XVIII в.), рассматривая его как литературное направление, предшествующее классицизму.⁵² Еще более ограниченными считают хронологические пределы барокко на русской почве И. П. Еремин и И. де Врис де Гунцбург. Отмечая элементы этого стиля у С. Полоцкого и некоторых других писателей XVII в., исследовательница видит уже у Феофана Прокоповича «реакцию против этого стиля», отрицая наличие барокко в чистом виде у Ломоносова и тем более у Державина.⁵³ Уточняя свои прежние высказывания о соотношении элементов барокко и новых традиций в творчестве Ф. Прокоповича, И. П. Еремин писал в предисловии к изданию его сочинений: «Как писатель Феофан Прокопович воспитался на традициях „барокко“, предшествовавшего в русской литературе утверждению классицизма. Руководствуясь эстетическими принципами и нормами этого литературного стиля, он на практике, однако, следовал им отнюдь не слепо: многое в системе этого стиля вызывало с его стороны решительное сопротивление. Во всяком случае в той форме, в какой стиль „барокко“ на рубеже XVII—XVIII веков культивировали современники Феофана (Стефан Яворский, Иван Максимович и др.), он был для него мало приемлем».⁵⁴

Третья группа исследователей (Н. К. Гудзий, Д. Д. Благой, П. Н. Берков) видит главный смысл русского историко-литературного процесса 1660—1720-х годов в формировании предпосылок развития русского классицизма,⁵⁵ поэтому для периода 1660—1720-х годов предлагают термины «школьный классицизм» (или схоластический классицизм)⁵⁶ или «предклассицизм»,⁵⁷ в отличие от зрелого русского классицизма XVIII в. в творчестве Ломоносова и Сумарокова.

⁵² И. Н. Голенищев-Кутузов. — Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958, стр. 79; Д. С. Лихачев. 1) Человек в литературе древней Руси, М.—Л., 1958, стр. 162—167; 2) К вопросу о зарождении... стр. 12—13.

⁵³ L. de Vries de Gunzburg. En marge du baroque dans les littératures polonaise et russe. S. Gravenhage, Mouton, 1958. Ср.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 142.

⁵⁴ И. П. Еремин. Предисловие. — В кн.: Феофан Прокопович. Сочинения. Под редакцией И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 4. И. П. Еремин неоднократно писал о барокко в русской литературе. Главнейшие его высказывания см.: И. П. Еремин. 1) Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 125—153; 2) Симеон Полоцкий, поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953, стр. 223—260; 3) История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 358; 4) Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958, стр. 84—85; 5) IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. М., 1962, стр. 145—146.

⁵⁵ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6-е. М., 1956, стр. 506; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 4-е. М., 1960, стр. 48, 75 и 95; П. Н. Берков. История русской литературы в трех томах, т. I, стр. 387 и 396.

⁵⁶ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, стр. 75 и 95.

⁵⁷ П. Н. Берков. — Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958, стр. 83—84.

Четвертое мнение было высказано немецкими славистами Э. Винтером и И. Тецнером, которые полагают, что основным литературным направлением русской литературы XVIII в. было Просвещение (Aufklärung), нашедшее свое выражение в деятельности Ф. Прокоповича и явившееся предшественником не классицизма, а романтизма.⁵⁸

П. Н. Берков в докладе на научной конференции в Институте русской литературы осенью 1959 г. справедливо говорил, что русское просветительство было идеологическим течением, прошло в XVII—XVIII вв. длительное развитие, а его литературно-эстетическим стилевым выражением стал классицизм, имевший несколько стадий.⁵⁹

Неразработанность вопроса о первых литературных направлениях в русской литературе в XVII—XVIII вв. отчетливо сказалась в этих противоречивых мнениях исследователей.

Определение общего понятия «барокко в литературе», уяснение его разновидностей и соотношения с другими литературными направлениями, в первую очередь с классицизмом и романтизмом,⁶⁰ является поэтому, на наш взгляд, одной из неотложных задач советской филологической и искусствоведческой науки.

Существенными представляются нам, например, соображения Ю. М. Лотмана о различии исторических и философских основ западноевропейского барокко и русской литературы XVIII в.⁶¹ Проблема, поставленная Ю. М. Лотманом в его кратком, конкретном выступлении на IV съезде славистов, должна явиться темой самостоятельного исследования.

В частности, для успешного выяснения соотношения литературы барокко и классицизма, на наш взгляд, нельзя ограничиться характеристикой литературных жанров (или тем более отдельных произвольно выбранных произведений). Необходимо заново пересмотреть русские риторики и пиитики XVII—первой трети XVIII столетий и внимательно сопоставить их с нормами поэтики русского классицизма, сформулированными Ломоносовым и Сумароковым.

Полнота материала, точно сформулированные принципы отбора, внимательный анализ социально-исторической, философской и эстетической основы необходимы при дальнейшей разработке сложного и актуального вопроса о первых литературных направлениях в русской литературе на переломе от средневековья к новому времени.

Окончательное решение этого вопроса не может быть найдено в рамках только одной русской литературы. Необходимо будет привлечь к сравнительно-историческому изучению аналогичные явления и процессы в украинской, белорусской и польской литературах, которые в XVII столетии были тесно связаны друг с другом и с русской литературой. Точно так же для первой половины XVIII в. вопрос о русском классицизме, его своеобразии, хронологических рамках не может быть правильно разрешен без освещения

⁵⁸ E. Winter. Die Aufklärung bei den slawischen Völkern und die deutsche Aufklärung. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. II, Heft 2, 1957, стр. 55; J. Tetzner. Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. III, Heft 2—4, 1958, стр. 368; E. Winter. Die Aufklärung in der Literaturgeschichte der slawischen Völker. — Сб. «Славянская филология», т. III, М., 1958, стр. 291.

⁵⁹ П. Н. Берков. Основные вопросы изучения русского просветительства. — Сб. «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века». М.—Л., 1961, стр. 26.

⁶⁰ Сравни, например, ошибочное убеждение австрийского слависта И. Матля о наличии «ярко выраженного барокко» в творчестве зодчего М. Ф. Казакова (IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I, стр. 151).

⁶¹ Там же, стр. 149—150.

связей и взаимодействия русской литературы с литературами Франции, Италии, Германии.

Настоящая статья не претендует на сколько-нибудь исчерпывающее перечисление всех проблем, встающих при изучении связей древнерусской литературы с литературой и устным народным творчеством новой и новейшей поры. Нашей целью было подчеркнуть именно многообразие этих связей, многочисленность вопросов, еще мало разработанных, и обратить внимание исследователей на некоторые проблемы, неразрешенность которых замедляет развитие нашей науки.
